

Ольга
Фрейник

ИЗМЕНА

Другие правила

Ольга Олейник

Измена. Другие правила

<https://litres.ru/73977864>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне казалось, что мы будем любить друг друга всегда. У нас были общие мечты, общие цели. Но реальность оказалась совсем другой.

– Что ты можешь дать ему, Демидова? – она нарочно назвала меня прежней, девичьей фамилией – чтобы ужалить больней. – Ты за пять лет даже забеременеть не смогла.

– Арина, прекрати! – Павел, наконец, вышел из оцепенения, в которое его вогнало мое неожиданное возвращение домой. – Оставь нас, пожалуйста! Нам с Катей нужно поговорить наедине.

А та, которую я до сегодняшнего дня считала лучшей подругой, только хмыкнула:

– Как скажешь. Надеюсь, ты решишь этот вопрос как можно скорей. Потому что учти, Пашенька – матерью-одиночкой я становиться не собираюсь.

Она ушла, а я по-прежнему стояла у дверей, не решаясь сделать ни шагу. Этот дом, в котором прежде всё было мило и дорого мне, вдруг стал чужим.

– Котенок, прости!

Павел хотел меня обнять, но я отшатнулась. День, который должен был стать самым счастливым для нас обоих, превратился в кошмар.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Измена. Другие правила

Глава 1

С обеда я взяла отгул – в женскую консультацию удалось записаться только на два часа дня. И теперь я шла туда, стараясь не строить ни малейших иллюзий. Слишком много раз я уже ошибалась. Я даже Пашке ничего не сказала – ни про задержку, ни про легкую тошноту утром, ни про две полоски на тесте, который я сделала накануне.

И в кабинет врача я заходила на ватных ногах. И только молилась, чтобы на этот раз всё получилось.

– Ну, чего вы так побледнели-то, дорогуша? – улыбнулась после осмотра врач. – Двадцать семь лет – прекрасный возраст для беременности. Правильное питание, полноценный сон и никаких волнений. И про витаминчики не забывайте.

Если бы я не боялась, что это повредит малышу, то неслась бы домой вприпрыжку. И я не села в битком набитый автобус, а предпочла прогуляться пешком. Купила торт со взбитыми сливками – Пашка любит такой. Он, конечно, спросит: «По какому поводу пир?» А я только загадочно улыбнусь – чтобы он непременно сам догадался.

И по лестнице я поднималась медленно, словно боясь расплескать переполнявшее меня счастье.

Дверь в квартиру была приоткрыта, и я еще с середины

лестничного пролета услышала громкий голос подружки Арины Ланской:

– Надеюсь, хотя бы сегодня ты с ней поговоришь? А иначе придется поговорить мне, а ты знаешь – это будет гораздо хуже. И перестань уже чувствовать себя виноватым. Вы всё равно бы рано или поздно разошлись. Семья без детей – это не семья. И Катька это тоже понимает! Ты думаешь, она не мучается от того, что не может сделать тебя счастливым? Так что я еще, можно сказать, ей одолжение сделала.

О чём она говорила? Почему мы должны были развестись? Особенно теперь, когда...

А может быть, она разговаривала с кем-то по телефону? Наверняка, так оно и было. И мало ли Катек на свете?

Но эту утешительную мысль развеял звук Пашкиного голоса.

– Я уже сказал тебе, что поговорю с ней. Ты думаешь, это легко – после пяти лет брака сказать, что мы должны развестись? Просто дай мне возможность сделать это по-человечески.

– Я тебя предупредила, Шестаков, – голос Ланской прозвучал угрожающе. – А выводы делай сам.

Я не выдержала и распахнула дверь настежь. Они оба были в прихожей – и Арина (выглядевшая, как всегда, на миллион), и мой муж Павел. Он держал в руках ее плащ.

– Что здесь происходит? – я прижалась к стене, боясь упасть – потому что ноги задрожали.

– Катя, я тебе сейчас всё объясню, – щеки мужа стали пунцовыми.

А вот подруга совсем не смутилась. Напротив, даже обрадовалась моему приходу.

– Ты прям вовремя! А мы тебя ждали.

Она требовательно посмотрела на Пашку, ожидая, когда же он начнет мне всё объяснять. Но я и так уже всё поняла. И как же нелепо сейчас выглядел мой торт.

– Убирайся! – я редко повышала голос, но сейчас был как раз тот случай, когда без этого было не обойтись.

Арина неспеша надела плащ, посмотрелась в зеркало, поправляя и без того лежавшие идеально темные локоны.

– Надеюсь, мы обойдемся без опереточных сцен? Всё-таки разумные взрослые люди.

– Убирайся! – повторила я.

Она сняла с вешалки сумочку.

– Что ты можешь дать ему, Демидова? – она нарочно назвала меня прежней, девичьей фамилией – чтобы ужалить больной. – Ты за пять лет даже забеременеть не смогла.

– Арина, прекрати! – Павел, наконец, вышел из оцепенения, в которое его вогнало мое неожиданное возвращение домой. – Оставь нас, пожалуйста! Нам с Катей нужно поговорить наедине.

А та, которую я до сегодняшнего дня считала лучшей подругой, только хмыкнула:

– Как скажешь. Надеюсь, ты решишь этот вопрос как мож-

но скорей. Потому что учти, Пашенька – матерью-одиночкой я становиться не собираюсь.

Она ушла, а я по-прежнему стояла у дверей, не решаясь сделать ни шагу. Этот дом, в котором прежде всё было мило и дорого мне, вдруг стал чужим.

– Котенок, прости!

Павел хотел меня обнять, но я отшатнулась. День, который должен был стать самым счастливым для нас обоих, превратился в кошмар.

– Катя, ну ты же понимаешь, что нам нужно поговорить. Дай мне возможность всё объяснить.

В этом он был прав – прежде, чем мы расстанемся, я должна была узнать, как долго они обманывали меня. Несколько месяцев? Или даже лет? А ведь мы работали все вместе. И как я могла ничего не замечать?

– И давно у вас с ней? – собственный голос показался мне хриплым, незнакомым.

Я прошла в гостиную, опустилась в кресло. У Павла хватило такта сесть не рядом со мной, а на диван.

– Да у нас было-то всего один раз! И то по глупости. Катя, я клянусь тебе! Ты же знаешь, как я тебя люблю!

Мне казалось, что знаю. Но теперь его слова о любви звучали не просто фальшиво, а оскорбительно.

– Когда любят, не предают, Паша, – было странно объяснять это взрослому человеку.

– Я сам не знаю, как это получилось! – он вскочил, заходил

по комнате. – Одна случайная ошибка, и...

– Арина беременна, я правильно поняла?

– Да, и она грозитя сделать аборт, если я на ней не женюсь, – на лице его отразилось отчаяние.

Он всегда мечтал о детях. Мы оба мечтали. И в одном Ланская была права – я действительно иногда чувствовала себя виноватой из-за того, что не могла сделать мужа полностью счастливым. Но сейчас мне не хотелось об этом вспоминать.

– Значит, ты должен на ней жениться, – я сама удивилась, что смогла это сказать. И что не расплакалась. И не закатила истерику.

– А как же ты, Катя?

Он растоптал мои чувства, а теперь, кажется, собирался меня пожалеть.

– А я уж как-нибудь без тебя, Паша.

Мне придется научиться жить без него, хотя прежде это казалось почти невозможным. Я должна постараться это сделать – не только ради себя самой, но и ради того малыша, что уже жил во мне.

Ради ребенка, о котором Шестаков не узнает. Никогда.

Глава 2

Он собирал вещи медленно, будто надеясь, что я его остановлю. Но мы оба знали, что это было бы ошибкой. В сумку влезло только самое необходимое – несколько футболок и рубашек, нижнее белье, спортивный костюм, ноут с зарядкой и толстый, распухший от записей блокнот.

– Я пока в гостинице поживу, – уже в прихожей сказал он, хотя я ни о чем его не спрашивала.

– Зачем же в гостинице? – удивилась я. – Арина тебя встретит с распростертыми объятиями.

Куртка, зонтик. Скользнувший по моему лицу виноватый взгляд. Он всё еще чего-то ждал. Что я прощу его? Что скажу: «Да ладно, Паша, со всеми бывает. Давай останемся друзьями»?

Я промолчала, и через несколько секунд он закрыл дверь с другой стороны.

Я вернулась в гостиную. Тишина в квартире оглушала, сводила с ума. А каждая вещь напоминала о нём. Стопка книг на столе, фотография в серванте, тапки у дивана.

Мне нужно было подумать, но каждая мысль давалась с трудом, наталкиваясь на целый ворох воспоминаний.

А потом раздался звонок в дверь. Он что-то забыл? Или вернулся нарочно?

Но на пороге стояла Ланская.

– Я видела, что он ушел. Поговорим?

Первым побуждением было захлопнуть дверь у нее перед носом. Но мне придется встретиться с ней завтра на работе, и чтобы не смешить коллег, лучше было обсудить всё сейчас. Хотя я всё равно не понимала, зачем она пришла, если знала, что Павла здесь уже нет.

– Может, тортом угостишь? Тебе всё равно не съесть его одной.

Арина часто бывала бесцеремонной, но прежде эта черта ничуть меня не раздражала. Такой уж был у человека характер – привыкла говорить что думает, безо всяких экивоков. А вот сейчас захотелось размазать этот торт по ее холеной физиономии.

Конечно, я не сделала этого – ка бы я к ней ни относилась, она была беременна. Вернее, мы обе были беременны. И уж наши малыши точно ни в чём не были виноваты.

Я поставила чайник, порезала торт.

– Слушай, Кать, ты не думай, что меня совесть не мучает. Я же понимаю, что, как ни крути, Пашка – твой муж. Но раз уж так всё получилось, то чего ходить вокруг да около? Разве лучше было бы, если бы мы скрыли это от тебя? Ты только подумай – он бы жил с тобой, а к нам бы прибегал украдкой. А ребенку нужен отец. И Пашке нужен этот ребенок! Ты же знаешь, как он к детям относится.

Она доела один кусок и потянулась за другим.

– А тебе не обидно, что он к тебе только из-за ребенка

ушел? Что ты сама по себе ему не нужна? – я тоже решила не церемониться.

Но ее броню так просто было не пробить. Она только пожала плечами:

– Обидно, конечно. Но, возможно, дело не только в ребенке. Может, это просто повод, Катька? Ну, вот ты сама подумай – что ты ему можешь дать?

Я хотела сказать «любовь», но промолчала. Такая нематериальная категория в систему ценностей Ланской не входила.

– Он же гений, Кать! Ты не хуже меня это знаешь. Он же ученый с мировым именем! Но даже гениям нужна помощь – без денег и связей они ничто. Гранты на исследования, международные проекты, зарубежные конференции – ты думаешь, это всё так просто? Я уже разговаривала с отцом – ты же знаешь, Пашка всегда ему нравился. Он, как только узнал, что мы с Пашкой пожениться решили, только что не завизжал от восторга. Ему же мои ухажеры никогда не нравились. Но Шестаков – дело другое.

Она говорила об этом так запросто, словно мы с Павлом уже не были мужем и женой. Но она всегда была такой – привыкла брать то, что ей было нужно. Вот только чтобы получить Шестакова ей нужно было ждать несколько лет. Тут связей папочки, который занимал должность заместителя министра всей российской науки, оказалось недостаточно.

– Да, Кать, я вот еще что хотела обсудить, – Арина облиза-

ла испачканные кремом губы, – ты же понимаешь, что продолжать работать вместе было бы неудобно? Сама понимаешь – тебя будут обсуждать, шушукаться за спиной. Зачем тебе это? И не волнуйся, я договорюсь – директор отпустит тебя без двух недель отработки. Хочешь, я попрошу отца что-нибудь тебе подыскать? И лучше, наверно, не в Москве, да?

Кажется, она всё уже за меня решила. А может быть, и за Пашку тоже.

– Нет, спасибо, – холодно откликнулась я. – Работу я найду сама.

– Ну, вот и славно! – просияла она. – А еще квартира, Кать – она же Пашина, правда? Ты не думай, что я мелочусь, но он же к ней привык, ему здесь удобно. И она совсем рядом с нашим НИИ. Ты и сама, наверно, не захочешь в ней оставаться. Я понимаю, тебе нужно время, чтобы найти себе что-то другое. Но и ты пойми – Паше нужны условия для работы, его книги, его рабочий стол. Недели две тебе хватит? И если с переездом помощь нужна будет, ты скажи – я же на машине.

Она смотрела на меня открыто, не отводя взгляд. Лучшая подруга, вонзившая нож в спину. Кажется, она даже не понимала, что сделала что-то дурное. Вернее, не хотела понимать. Так было проще, удобней. Зачем ей было думать о других?

Глава 3

Заснула я только под утро, и после двух часов сна и выспавшись, и чувствовала себя неважно. Мелькнула даже мысль позвонить директору и взять отгул, а с заявлением на увольнение прийти уже завтра. Но я тут же отругала себя за это – сколько не прячь голову в песок, окружающая действительность не изменится.

Да и лучше было поговорить с начальством сегодня, пока большая часть коллектива еще ничего не знала. Через день-другой знать будут все – Арина не сможет не похвастаться, что они с Павлом теперь вместе.

И когда я подумала, как меня станут обсуждать все наши женщины от мала до велика, меня передернуло. Теперь я уже даже хотела, чтобы Ланская поговорила с директором – провести целых две недели, слушая то жалостливые, то ироничные шепотки за своей спиной, было бы непросто.

– Екатерина Сергеевна, вас Константин Андреевич просил зайти, – сообщил мне вахтер, когда я проходила через турникет.

С нашим директором – стареньким и очень уважаемым в научном мире доктором наук – у меня сложились отличные отношения с самого первого дня работы. Он был грамотным специалистом, опытным руководителем и прекрасным человеком.

– Проходи, Катерина, садись, – он всегда называл меня Катериной, а не Екатериной, хотя инициалы в документах указывал правильные. – И дверь прикрой, чтобы некоторые тут уши не грели.

«Некоторые» – это было про его секретаршу Диночку, молоденькую и чрезмерно болтливую девицу, которая в прошлом году заменила вышедшую на пенсию Наталью Аркадьевну, и к которой Константин Андреевич до сих пор привыкнуть так и не смог.

– Я слышал, вы с Павлом разводитесь, – осторожно начал он, когда я села на стул напротив него. Он выжидательно посмотрел на меня, а получив в ответ мой кивок, вздохнул: – Напрасно, совершенно напрасно. Мне всегда казалось, что вы отличная пара. Но, прости, это ваше, семейное дело, и я не имею права в него лезть. А вот то, что ты надумала уволняться, я решительно осуждаю и по этому поводу не намерен молчать.

Судя по всему, Арина с ним уже поговорила. Наверно, позвонила еще накануне вечером – сразу же, как только ушла от меня. Но это было даже к лучшему. По крайней мере, мне не нужно будет ничего объяснять.

– Я понимаю, у вас ссора, возможно, даже развод. Но зачем же переносить всё это на работу? У вас уже сложившаяся научная группа, где каждый знает свой участок работы. Уволишься ты – и рухнет весь проект.

– Павел справится и без меня, – возразила я. – Не беспо-

койтесь, Константин Андреевич, я оставлю им все свои записи, все наработки.

– Да как ты не понимаешь, Катерина? – рассердился директор. – Что ты сама лишаешь себя чего-то очень важного в жизни. Ты всегда хотела работать над этим проектом. и вот, наконец, вы получили на него большой грант. Ты думаешь, где-то еще тебе создадут такие условия?

– Нет, я так не думаю. Я вообще больше не собираюсь заниматься наукой.

Директор воззрился на меня с изумлением – должно быть, подумал, что я сошла с ума.

Это решение далось мне непросто – я проработала в Институте леса шесть лет, и он стал для меня почти домом. И мне действительно нравилось то, чем я занималась. Нравились полевые исследования, на которые мы выезжали каждое лето, нравились опыты и бурные споры с коллегами. Но остаться здесь я не могла.

– Я понимаю – если вы с Шестаковым разойдетесь, работать в одной лаборатории вам будет некомфортно. Но есть же другие отделы! Я переведу тебя в любой, какой ты назовешь.

Но я снова покачала головой – какая разница, в каком кабинете я буду сидеть, если мы с Павлом и Ланской каждый день будем встречаться на проходной, в столовой, в лифте?

Я пришла с уже готовым заявлением и теперь положила его на стол.

– Я сказал Ланской, что отпущу тебя без отработки. Хотя

надеялся уговорить тебя остаться, – его рука замерла над листом бумаги, но всё-таки он его подписал. – Если надумаешь вернуться, не стесняйся, должность всегда найдем.

Я поблагодарила его и не удержалась – поцеловала в морщинистую щеку. Его темные глаза подозрительно заблестели, и я поспешила уйти, чтобы его не смущать.

В лаборатории у меня остались кое-какие вещи: меховая жилетка (в кабинете часто бывало холодно), зарядка для телефона и целая куча блокнотов с записями. Но записи я обещала оставить, а без жилетки и зарядки вполне могла обойтись. Зайти сейчас туда значило встретиться с Павлом, а этого мне хотелось меньше всего.

И всё-таки проходя мимо знакомых дверей, я чуть замедлила шаг. Голос мужа был слышен издали.

– Точнее, Даня, точнее! Наука не терпит приблизительных значений. Запомни уже это раз и навсегда!

Данила был самым молодым в нашей научной группе, и Павел считал своим долгом сделать из него настоящего ученого. И если для этого нужно было повысить голос, то он не стеснялся. На работе он вообще становился другим – суровым, властным, даже жестоким. И ошибок никому не спускал.

Я влюбилась в него еще тогда, когда училась в универе – на пятом курсе он преподавал у нас «Недревесные продукты леса». В него невозможно было не влюбиться. Он вставал за кафедру, обводил аудиторию горящим взглядом и рассказы-

вал любую тему так, что нельзя было не заслушаться. Но тогда, конечно, он меня и не заметил. Ни меня, ни Ланскую, которая тоже положила на него глаз.

Константин Андреевич был председателем экзаменационной комиссии на защите наших дипломных работ. Мой диплом впечатлил его настолько, что он сразу предложил мне работу в своем НИИ. А вот Арина напросилась сюда сама – когда узнала, что здесь работает Шестаков.

Хотя особых дивидендов в отношениях с ним общее место работы ей до недавнего времени не приносило. Павел даже не смотрел в ее сторону. Для него она всегда была всего лишь одной из моих подруг.

«Не всегда, – поправила я саму себя, – уже не всегда».

И наш кабинет, и голос Павла остались позади. Я зашла в отдел кадров, отдала заявление и получила очередную порцию сочувственных охов. Кадровичка, конечно, заявила, что не сможет быстро оформить приказ, и мы договорились, что я зайду за трудовой книжкой на следующее утро.

Я почти выбежала на улицу и только там смогла облегченно вздохнуть. Я никогда еще не была безработной, и это состояние было новым и странным – вместе с чувством свободы я ощущала и страх.

Глава 4

Родной город встретил меня ливнем и пронизывающим ветром. С собой в поезд я взяла только документы и гаджеты – остальные вещи отправила по почте. На вокзале меня встретила старшая сестра Таисья. Она выхватила у меня из рук сумку, протянула зонт.

– Видишь, погода у нас какая? Со вчерашнего дня льет как из ведра. А мамка пирогов напекла – и с творогом, и с рыбой.

Всю дорогу Тася говорила без умолку, благо, что до дома было недалеко. И при этом она не смотрела мне в глаза и старательно не касалась той причины, что привела меня сюда. Хотя прежде, чем купить билет, я позвонила им и рассказала всё без утайки – и о своей беременности, и об измене Павла, и о том, что у той, другой его женщины тоже будет ребенок.

Зато в прихожей я вдоволь наобнималась – и с мамой, и с сестрой. Они разглядывали меня так пристально, что я рассмеялась:

– Да не видно еще ничего!

Я приняла душ, залезла в теплый махровый халат и только после этого пришла на кухню.

– А ребенок-то как же, если вы с Павлом разойдетесь? – вздохнула мама. – Дите-то чем виновато? Ему оба родителя нужны.

Таська возразила с набитым ртом:

– Ты же нас без отца вырастила, и ничего, не хуже других получились. И ты одна нас тянула, без бабушек и тетушек. А тут мы поможем.

Сестра замужем никогда не была – первая любовь оставила на сердце такой шрам, что всех мужчин она априори считала трусами и подлецами. Так что ее-то Павел точно не разочаровал.

– Да разве я про то? – возразила мама. – Я говорю, что нехорошо это – ребенка от отца скрывать. Надо бы рассказать всё как есть. Ну, пусть и развестись, раз уж простить не можешь, но только чтоб виделись хоть иногда. Не чужие же друг другу. А так уж вовсе как-то не по-людски. Да и разве шило в мешке утаишь? Кто-нибудь ему да расскажет. Не станешь же отпираться. Да и алименты лишними бы не стали. Знаешь, сколько нынче пеленки-распашонки стоят? А памперсы? А работу ты еще неизвестно, когда найдешь.

– Да что мы втроем одно дите не прокормим? – возмутилась Таська. – Я работаю, у тебя пенсия. Катя тоже куда-нибудь устроится. Вот Дениска соседский говорит, у них в школе учительница биологии уволилась – уже второй месяц нового учителя найти не могут, а скоро – конец учебного года. Ты же можешь биологию вести?

Я ела пироги и улыбалась. Их перепалка словно вернула меня в детство. А ведь здесь, в родном городе, даже воздух был другим – не таким, как в Москве. И как же я по всему

этому скучала!

Я не была здесь уже почти три года. И теперь, когда я подумала об этом, мне стало стыдно. Мама ведь уже была немолода.

– Откажешься сейчас от алиментов, а вдруг как потом понадобятся, – мама покачала головой.

Нет, жадной она никогда не была, но и разбрасываться деньгами не привыкла. И она-то как раз не понаслышке знала, что такое быть матерью-одиночкой.

– Не волнуйся, я узнавала, – я погладила ее по плечу, – на алименты я могу подать в любой момент. Возможно, я и Шестакову всё сама расскажу – но потом, когда малыш уже родится. А пока я ужасно боюсь – что не выношу, что не сумею.

И я расплакалась, а они вдвоем принялись меня успокаивать.

– Поступай как считаешь правильным, дочка! – мама тоже уже плакала. – Как сделаешь, так и ладно. Дом у тебя есть и мы с Таськой. Как-нибудь справимся.

И даже Таисья шмыгала носом:

– Я этого Шестакова с лестницы спущу – пусть только попробует тут появиться. Он мне сразу не понравился, уж ты прости. Ишь ты – москвич, интеллигенция. Вот возьмется за него сейчас эта вертихвостка, так быстро поймет, почем фунт лиха.

Но мама обсуждать и осуждать кого-то не любила. Вот и

сейчас брови свела. И сестра мигом замолчала. Но ночью, когда мы сидели с ней в ее комнате, она вернулась к прежней теме:

– Поверь – Шестаков твой быстро в себя придет, приползет еще прощения просить. А уж если про ребенка узнает, то подружку новую пошлет далеко и надолго.

Она пыталась меня успокоить, но я попросила:

– Давай не будем о нём говорить. Лучше про школу расскажи, куда учитель биологии требуется. Это десятая, которая в двух кварталах отсюда?

В школу я пошла прямо с утра. Директор – серьезная женщина средних лет – долго изучала мои документы.

– Учитель нам нужен, и еще как! Биолог-географ. Только не знаю, понравится ли вам у нас после столицы? К тому же, вы – кандидат наук, а у нас даже доплата за это не положена. И бумажной волокиты у нас много.

Бюрократии и у нас в НИИ было немало, так что она меня не удивила. Куда больше меня беспокоило, сумею ли я найти контакт с учениками? Про современную школу я слышала столько всякого негатива.

А директор всплеснула руками:

– Ой, да что же я вас отговариваю-то? Мы учителя уже который месяц не можем найти. К выпускному классу раз в неделю приходит преподаватель из училища. А остальные сами занимаются – кто как может. Так что если вы не передумали, мы вас прямо с понедельника примем. А что каса-

ется вашего положения, то это ничего. Это в коммерческих структурах стараются беременных на работу не брать, а я же вам не из своего кармана декретные платить стану. Нового педагога придется искать – это да, проблема. Нам бы этот учебный год как-нибудь довести, а там разберемся.

Я вышла из директорского кабинета как раз в тот момент, когда раздался звонок с урока. Школьные коридоры вмиг наполнились таким шумом, что мне захотелось закрыть уши. Но я только поругала себя за малодушие. К этому гомону нужно было привыкать.

Глава 5

За выпускные классы я всё-таки не взялась, да директор не сильно и настаивала – слишком большая ответственность для начинающего педагога. ОГЭ, ЕГЭ – всё это требовало особой подготовки.

Поэтому мой первый урок пришелся на пятый класс. Согласно программе, мы должны были изучать тему «Живая природа и человек», но приступили мы к ней не сразу.

Сначала завуч Наталья Ивановна Казанцева познакомила меня с учениками и сказала несколько напутственных слов. Потом на протяжении четверти часа я пыталась выяснить, какие темы они изучили с предыдущей учительницей. В этом вопросе показания разнились, и я поняла, что большинство ребят уже мало что помнили.

– У нас несколько занятий Никита Константинович проводил, – сообщила рыжеволосая девочка с первой парты. – Но он просто читал нам из учебника.

Я уже знала, что Никита Константинович был учителем математики, которому (как и некоторым другим педагогам) вменили в обязанность на время отсутствия биолога-географа вести занятия по этим предметам в разных классах.

– А кто из вас занимался изучением биологии дома с родителями? – спросила я.

И получила в ответ только шесть поднятых рук. Конечно,

те, кто учился на пятерки, занятий не бросали. А вот остальные о биологии и географии на время предпочли забыть. Но к этому я была готова и потому начала с того, что предложила вспомнить уже пройденный материал. Впрочем, даже это большого отклика в сердцах слушателей не нашло.

А когда я стала записывать на доске методы изучения живой природы, класс замычал. Да-да – взял и замычал. Эти внешне милые и непохожие друг на друга дети мычали с плотно сжатыми ртами. Смотрели на меня и мычали.

И стоило мне подойти к одной парте, как сидевшие на ней и рядом ученики мычать переставали, зато еще громче начинали мычать те, кто сидел далеко.

Я была знакома с этим способом доведения учителей до белого каления еще по собственному школьному прошлому, но всегда полагала, что подобные методы свойственны исключительно школьникам постарше. А этим пигалицам вроде бы еще полагалось питать к учителю какое-никакое уважение.

Но до истерики они меня не довели. Я слишком хорошо помнила, что рано или поздно мычать надоедает. А если ты при этом еще должен и слушать, и записывать что-то в тетрадь, то этот странный протест сходит на нет еще быстрее. Так оно и случилось, и к концу урока в глазах большинства учеников я уже читала нечто похожее на уважение.

Хотя я понимала, что этим они не ограничатся, найдут другие способы меня позлить, но следовало порадоваться хо-

тя бы этой маленькой победе.

– Как прошел первый урок? – директриса – Светлана Захаровна Сударова – заглянула в учительскую после звонка. – Надеюсь, они вас не напугали? Пятый класс у нас хороший, еще не испорченный. Хотя свои герои есть и там. А на субботнем выезде на природу у вас будет отличный шанс познакомиться с ними поближе.

– Не забудьте собрать с родителей разрешения на поездку, – напомнила завуч. – Конечно, у нас тут не как в Москве, всё по-простому, но лучше подстраховаться. Поехать могут все, кроме Карпенко.

– Карпенко? – переспросила я. – А он почему не едет? Болеет?

Наталья Ивановна выразительно вздохнула:

– А он, Екатерина Сергеевна, как раз один из отрицательных героев пятого класса. У него по поведению двойка.

– Но как же так? – растерялась я. – Если весь класс едет, то этому мальчику будет обидно, что его не берут. А ведь это наше первое совместное мероприятие. И там я могла бы рассказать им часть материала, который они пропустили – мы как раз изучаем взаимодействие живой природы и человека.

Завуч посмотрела на директрису, а когда та кивнула, нехотя согласилась:

– Ну, что же, пусть едет в виде исключения под вашу, Екатерина Сергеевна, ответственность. Но к его матери за разрешением сходите, пожалуйста, лично. С него станется ее

подпись подделать. Карпенко живут недалеко от вас.

Мой первый рабочий день дома мы отметили салатом «оливье» и яблочной шарлоткой. Я рассказывала про урок в пятом классе (теперь мне было уже смешно), а Тася перечисляла тех ребятшек, которые жили в нашем или соседних домах, и которых она знала лично.

– Антон Карпенко? Конечно, знаю. Неплохой парнишка, просто шепутной. Его мать второй раз замужем, и Тоха предоставлен сам себе. И отчим у него – не подарок.

Зазвонил телефон, и я, увидев высветившееся на экране имя, вышла на кухню. Разговаривать с Шестаковым в присутствии мамы и сестры мне не хотелось. Вернее, мне совсем не хотелось с ним разговаривать, и я вообще не понимала, зачем он мне позвонил. Развод мы оформляли через госуслуги. Ради этого я даже сделала усиленную электронную подпись.

– Слушаю, – сказала я, постаравшись вложить в голос как можно больше равнодушия. – Чего ты хочешь?

– Катя, ты извини, я понимаю, тебе со мной неприятно общаться, но тут такое дело... – он сделал паузу, и я едва не заскрежетала зубами.

Что ему еще могло от меня понадобиться? Я не претендовала ни на его доставшуюся ему от родителей квартиру, ни на другое имущество.

– Я ремонт в квартире делаю и мебель буду продавать.

Казалось бы, что мне за дело до этого? Но сердце отче-

го-то болезненно ждалось. Конечно, Арина не могла въехать в квартиру, которая была обставлена по моему вкусу. Ей требовалось разрушить всё до основания, а потом построить то, что будет принадлежать только ей.

– И что, Шестаков? Зачем ты мне об этом сообщаем?

– Я подумал, может, ты захочешь взять что-то? Ты так долго выбирала мебель на кухню, и она совсем новая. Если хочешь, я отправлю ее тебе.

Гарнитур был отличный, но даже его половина не поместилась бы на мамину кухню.

– Спасибо, но не надо.

– Ну, что же, как скажешь, – мне показалось, или он произнес это с разочарованием? А может, это мне просто хотелось так думать. – Ты не волнуйся – я половину денег от продажи тебе переведу, мы же почти всё вместе с тобой купили.

Половина – какая щедрость с его стороны! Мне захотелось выбросить телефон в форточку – это был как раз его подарок. Но это точно было бы глупо.

Глава 6

– А вы правда-правда меня возьмете? – вихрастый светловолосый Антоша Карпенко, показывая дорогу, шел впереди, и я едва за ним поспевала. – Наталья Ивановна нипочем бы не взяла.

Мы шли к нему домой, чтобы взять разрешение на поездку за город у его матери. И у него, и у меня сегодня было четыре урока, так что мы вышли из школы вместе. После ночного дождя на тротуарах стояли лужи – я обходила их, а мальчишка шел прямо, не сворачивая, благо, что на ногах были резиновые сапоги.

Но чем ближе к его дому мы подходили, тем медленнее становился его шаг. Было нетрудно догадаться, что отношения в семье отнюдь не были идеальными.

Квартира Карпенко оказалась на первом этаже, и входная дверь была не заперта. На ее скрип в прихожую выбежал боконогий мальчишка лет пяти – такой же вихрастый и светловолосый, как и старший брат.

– Мамка где? – спросил у него Антон.

Но тот только испуганно зыркнул на меня и скрылся в комнате.

– Ты чего шумишь? – раздался женский голос. Было странно слышать от матери именно это приветствие, потому что Антон ничуть не шумел. – Батьку разбудишь. Сам же по-

том жаловаться будешь, что подзатыльник отхватил.

Она, наконец, показалась в прихожей и сама. Определить ее возраст я бы затруднилась. Одетая она была весьма небрежно, а на лице ее словно застыло выражение крайнего недовольства. Впрочем, оно мгновенно сменилось удивлением.

– Здравствуйте! Я не знала, что Антон пришел не один.

– Это – Екатерина Сергеевна, наш новый классный руководитель.

На губах женщины тут же появилась улыбка.

– Ой, очень приятно познакомиться. Антон говорил, что у них учительница биологии появилась – вроде как из самой Москвы, – не прошло и минуты, а улыбка уже сбежала, и в глазах показалась тревога. – А он натворил опять что? Никакого сладу с ним нет! Пятый класс только, а уже все учителя на него жалуются. Ну, ничего, вот проснется Андрей, он тебе задаст.

Оскорбленный необоснованными обвинениями мальчишка помрачнел, а я поспешила прояснить ситуацию.

– Нет-нет, Елена Степановна, вы не думайте ничего плохого. Я к вам совсем по-другому вопросу пришла. Во-первых, хотела познакомиться. А во-вторых – рассказать, что в следующие выходные мы с классом едем на пикник за город. И если вы не против, чтобы Антон тоже поехал, то распишитесь, пожалуйста, вот здесь, – я достала из сумки сложенный вдвое листок.

Женщина пробежала взглядом по тексту.

– Ой, я даже и не знаю. Как бы он там чего не натворил.

– Да чего тут думать? – в прихожей появился кряжистый мужчина среднего роста в мятой футболке и спортивных штанах. – Подписывай. Хоть день без него отдохнем.

Он взял с тумбочки сигареты и зажигалку и, не удосужившись даже поздороваться, вышел из квартиры.

– Видишь, до чего ты отца довел? – рявкнула женщина. – Он со смены пришел, ему бы отдыхать надо. А ну марш в комнату! И чтоб тихо там сидел!

Мальчик удалился, а мать, прислонив листок к стене, вывела на нём кривоватую подпись. Сейчас, когда она подошла ко мне вплотную, я поняла, что не ошиблась, когда подумала, что она была пьяна.

– Вы уж простите нас, – хозяйка развела руками. – Если бы я знала, что вы придете, хоть к чаю бы чего купила. Но рада была с вами познакомиться. Прежде к нам учителя только ругаться приходили. Ах, да, еще школьный психолог однажды заходил (был в школе одно время и такой) – всё хотел выяснить, не обижают ли Антоху дома. Дескать, у ребенка на руке синяки – не бьет ли его отчим. Нет, сказала, не бьет, а если когда за руку схватит да в кладовке запрет, так не просто же так, а за дело. Ну, да вам это, наверно, не интересно.

– Нет, почему же, интересно, – возразила я. – Но он же еще совсем ребенок. Как его можно в кладовке запирасть? Отчим – ладно, но вы же мать!

– Вот будет у вас свой ребенок, Екатерина Сергеевна, – и

она выразительно посмотрела на мой живот, – его и воспитывайте как считаете нужным. А к нам не суйтесь. У моих хотя бы отец есть – да, может, не самый лучший, но отец.

В маленьком городке все про всех всё знали, и я ничуть не удивилась, что она многое уже знала обо мне. И всё-таки слышать это было обидно. И обидно не только за себя, но и за Антона.

– Если я увижу у вашего сына синяки, – я старалась говорить достаточно спокойно, чтобы до нее дошел смысл моих слов, – я обращусь в полицию. Так и знайте.

Я не стала дожидаться ее ответа, хотя она и пыталась что-то сказать. Но даже на улице я не смогла успокоиться.

– Вы на нее не сердитесь, Екатерина Сергеевна, – Антон догнал меня почти у самого моего дома. – Она хорошая, правда. Просто она чужому влиянию поддается. А он этим пользуется.

Он говорил это так весомо, по-взрослому, что несмотря на то, что сама ситуация была отнюдь не веселой, я не смогла не улыбнуться.

– Не вздумай шалить на пикнике! Я за тебя поручилась.

Он торопливо кивнул и бросился обратно, поднимая в воздух тысячи брызг из грязных луж.

Глава 7

На пикники школа выезжала в течение нескольких майских дней. В этот день вместе с моим пятым классом за город отправился и шестой, классным руководителем которого был Никита Константинович Заручевский. Математик оказался симпатичным мужчиной лет тридцати пяти.

– Хорошо, что вы к нам приехали, Екатерина Сергеевна, – сказал он мне, когда мы сели в автобус, – а то каждый урок биологии, который я вынужденно проводил, становился кошмаром. Всё эти лютики-цветочки оказались для меня слишком сложны.

– Разве математика проще? – удивилась я.

– Конечно! – без тени сомнений ответил он. – И, простите сердечно, интересней! Только не обижайтесь, пожалуйста.

С чего мне было на него обижаться? Каждый предметник свое болото хвалит.

– А вот то, что вы Антона Карпенко сегодня с собой взяли, это про отлично! – неожиданно похвалил меня он. – Он – хороший паренек, смысленый. И, хотите верьте, хотите нет, но у него есть способности к математике. Именно в точных науках он всё схватывает на лету. Если бы родители хоть немного с ним занимались, он мог бы многого добиться.

Я вспомнила недавнее знакомство и вздохнула:

– Мне кажется, мать уже махнула на него рукой. Я уже

бывала у них в гостях, но намерена сделать это еще раз. Я не догадалась посмотреть, есть ли у мальчика в квартире место, где он мог бы делать уроки.

Заручевский рассмеялся:

– Да что вы, Екатерина Сергеевна! Неужели вы думаете, что он делает уроки? Я понимаю, вы к другому привыкли – что у детей должна быть отдельная комната или, по крайней мере, уголок с письменным столом и книжными полками. А у Карпенко квартира однокомнатная и маленький ребенок в семье. Знаете, если у меня получится, я хотел бы устроить мальчика в физико-математический интернат для одаренных детей. Но я не уверен, что его мать согласится его туда отпустить – не захочет лишиться бесплатной няньки для младшего сына.

Помимо меня и Заручевского, школьников сопровождала еще и специалист по воспитательной работе Милана Александровна Дубова – недавняя выпускница педагогического университета, а также отец одной из моих учениц – Риты Чернорудовой – он ехал за автобусом на своем джипе, вез продукты и нескольких одноклассников дочери.

Я всегда любила такие вылазки за город – я умела разжигать костер, ставить палатку и ориентироваться на местности. Но я впервые несла ответственность не только за себя саму, но еще и за два десятка своих подопечных, и это лишило поездку значительной части того беззаботного удовольствия, которое я привыкла на пикниках ощущать.

– Да не беспокойтесь вы так, Екатерина Сергеевна, – улыбнулся Заручевский, когда я в очередной раз начала пересчитывать бегавших по поляне детей, – я им строго-настрого запретил без ведома взрослых куда-то уходить. Сказал, что в случае любого неприятного происшествия Антон Карпенко будет лишен возможности в дальнейшем участвовать в подобных мероприятиях. Да, понимаю, это не педагогично, зато весьма практично. Они Карпенко уважают и даже, уж простите, немного боятся – причем не только ваши, но и мои шестиклашки.

– Умный мужик, да? – восхитилась Милана, когда он отошел к костру, чтобы подбросить в огонь собранных ребятами сухих сучьев. – И, между прочим, совершенно не женат.

Я удивилась:

– И как же он смог сохранить свободу в женском коллективе?

Дубова мигом помрачнела:

– У него мама – цербер. И пока еще никто не смог приблизиться к стандартам той идеальной невестки, которую она пытается для него отыскать. Но я не отчаиваюсь. И не только я, – она уже снова улыбалась. – Кстати, Арсений Чернорудов – тоже неплохой вариант. У него свой бизнес – кафешка на Центральной площади и магазинчик детской одежды. И он отец-одиночка, – мы с ней быстро перешли на «ты», и она решила, что это дает ей право быть предельно откровенной. – Тебе, наверно, тут скучно после Москвы-то? Здесь ни те-

атров, ни музеев.

Насчет театров она была права, а вот несколько музеев у нас в городе всё-таки было, и довольно неплохих. И кто, как не специалист по воспитательной работе в школе должен был это знать?

– Это же мой родной город, – напомнила я. – И мне здесь вовсе не скучно. Наоборот, вполне комфортно. Москва всё-таки слишком шумная и торопливая.

Но она, кажется, мне не поверила.

Подоспела печеная картошка, и мы все – от мала до велика – принялись ее есть, и уже через пять минут и мордашки, и руки ребятишек были испачканы сажей.

– Отличная вылазка, правда? – спросил меня сидевший рядом Чернорудов. – Я давно уже так славно не отдыхал. Честно признаться, я вообще уже не помню, когда отдыхал. Мне даже перед дочерью стыдно. А она, кстати, вас, Екатерина Сергеевна, очень хвалит. Говорит, прежняя учительница рассказывала всё непонятно и неинтересно, а вот вы – другое дело.

– Спасибо большое, Арсений..., – я забыла его отчество, хотя перед поездкой и заглянула в файл, где были ФИО родителей, и смутилась.

– Можно просто Арсений, – широко улыбнулся он. – И если вдруг что для класса сделать понадобится, вы не стесняйтесь обращаться. У меня, конечно, выходных почти не бывает, но для школы время постараюсь найти.

Я еще раз сказала «спасибо» и пошла к девочкам помогать собирать в пакеты одноразовую посуду.

– Мне кажется, он к тебе клеился, – хихикнула увязавшаяся следом Милана. – Прежней классной руководительнице дочери он ничего подобного не предлагал. Наоборот, если та просила его о чём-то, всегда ссылаясь на занятость. А всё почему? Потому что та замужем была и большого интереса для него не представляла.

– А разве я представляю интерес? – искренне изумилась я. – В моем-то положении.

В том, что о моей беременности знали уже не только учителя, но и все, кто хоть как-то был связан со школой, я не сомневалась. Меня как раз пятиклашки на недавнем уроке в лоб спросили, вернусь ли я в Москву, когда у меня родится малыш. Да и животик уже был заметен.

– А что твое положение? – вопросом на вопрос ответила Дубова. – Ты же не больна, а беременна. Ты красивая, умная, и если не надумаешь в столицу возвращаться, легко у нас тут до должности завуча или даже директора доберешься. У тебя ребенок, у него ребенок, потом общих заведете.

– Милана, – я укоризненно покачала головой, – он всего лишь предложил помощь классу, в котором учится его дочь.

Не хватало мне еще, чтобы о нас пошли слухи. Нечего сказать – прекрасное начало педагогической деятельности. Да и у меня еще развод не был оформлен! Нет-нет, никаких романов!

Глава 8

Июнь пролетел быстро, но хлопотно из-за большой загруженности на работе. Экзамены, летняя площадка.

А потом началась жара, и каждый поход в школу становился кошмаром. Духота, запах краски (в нескольких кабинетах шел ремонт), из-за которого я сходила с ума, и куча документов по учебной работе, которые нужно было заполнить. Опытные учителя справлялись с бумажками запросто, но для меня они пока казались лабиринтом, в котором я плутала с самого первого дня на работе.

Почти весь педагогический коллектив уже был в отпуске, и в школе остались только завхоз, завуч старших классов и я. Наталья Ивановна посоветовала мне воспользоваться этим относительно свободным временем на каникулах и заняться подготовкой методических материалов на следующий учебный год как по биологии, так и по географии.

– Да, Екатерина Сергеевна, и подготовьте, пожалуйста, для меня список ваших научных работ – я буду готовить статью о нашей школе для районной газеты и хочу немного рассказать про каждого педагога. А вы не только у нас, но и во всём районе единственный учитель-кандидат наук.

Подготовить список было нетрудно – в НИИ мы составляли ежегодные отчеты по научной работе, да и общие списки достижений требовались при каждом прохождении по кон-

курсу. Нужно было только найти файл на ноуте и добавить в него совсем свежие публикации.

У меня не было данных только по одной статье – которую я отправила в журнал незадолго до увольнения из института. Этой статьей я гордилась особо – ее приняли в один из самых солидных научных изданий страны в области лесного дела, потребовав лишь минимальных правок. Конечно, первым автором в ней значился Шестаков – у статьи за авторством доктора наук изначально больше шансов на публикацию. И обычно Павел просматривал мои работы перед отправкой в редакции, но в этот раз у него не было времени, и даже вся редактура легла на мои плечи.

Я зашла на сайт журнала, щелкнула по последнему выложенному номеру, перешла на оглавление. Ого, она шла второй – после статьи всемирно известного академика. Какое-никакое, а признание. Я нажала на значок принтера и только когда взяла в руки бумажные листы увидела то, от чего меня бросило в пот.

Первым автором был всё так же указан Шестаков, а вот вторым – не я, а А. Ланская! Моя фамилия не шла даже третьей.

Я долго вглядывалась в печатные колонки, еще надеясь, что мне показалось. Но нет – в сведениях об авторах всё так же значилась Арина Ланская, младший научный сотрудник НИИ леса.

Это было не просто обидно, это было настолько обидно,

что я, не задумываясь, нарушила данное самой себе слово – никогда не звонить Шестакову. Я была уверена, что сдержу его, что что бы не случилось, нам не о чем было говорить. Но оказалось, есть о чём.

Мои руки дрожали, когда я искала в списке контактов его номер. И пока в трубке шли длинные гудки, я нервно ходила по классу по рядам между парт.

– Здравствуй, Катя!

Я знала, кому звоню, но всё равно вздрогнула, услышав его голос. Свидетельство о разводе я получила две недели назад. Казалось бы – всё, страница перевернута, мосты сожжены. Но прошлое не отменить одним только штампом в паспорте.

– Ты уже получил номер журнала с МОЕЙ статьей? – я старалась говорить спокойно, но у меня это плохо получалось.

Он ответил не сразу.

– Да, Кать, я сам собирался тебе позвонить. Я увидел журнал только вчера и тоже был в шоке. Поверь – если бы я знал... Это – недоразумение, Катя!

– Недоразумение – это наши с тобой отношения, Паша! – я чеканила каждое слово. – Только не говори, что ошибка была со стороны редакции. Я знаю о случаях, когда по ошибке редактора из статьи исчезал один из авторов. Но вот чтобы вместо одного автора редактор указал другого – нет, не слышала.

Я кипела от возмущения и уже жалела даже, что позвонила Шестакову, а не самой Арине.

– Она не знала, что эту статью целиком писала ты. Подумала, что это была моя работа, а тебя я просто включил в соавторы. И когда из журнала прислали верстку статьи для окончательного согласования, она попросила их...

Я не дослушала.

– Тебе не кажется, что это очень удобно – ничего не знать? Только незнание не освобождает от ответственности, Паша! Часть этой работы ранее была опубликована под моим именем в материалах конференции. Только под моим! И если журнал не опубликует опровержения, я обращусь в суд и обвиню вас в плагиате!

Я нажала на отбой и выключила телефон. Я понимала, что объяснить с журналом им будет непросто – но это были их проблемы. Теперь мне было уже жаль, что я оставила все свои рабочие записи в лаборатории. Думала, осчастливилю этим науку. Нечего сказать – осчастливила.

Телефон я включила только на следующий день, и уже через пять минут на экране высветился номер Ланской. Конечно, можно было внести ее в черный список, но я знала, что ее это не остановит – она позвонит с другого, например, рабочего телефона.

– Катя, я знаю, что ты не хочешь со мной разговаривать, и вполне это понимаю, – боясь, что я положу трубку, она затараторила так быстро, что проглатывала половину окончаний

слов. – Ну, прости, прости! Что я еще могу сказать? Откуда я могла знать, что именно ты писала эту статью? Я думала, она Пашина.

– А спросить у него ты не могла? И если уж тебе так хотелось пролезть в соавторы, то почему бы было просто не добавить себя третьей?

– Катюша, – она произнесла мое имя с такой тошнотворной сладостью, что меня передернуло, – ну, ты же ушла из науки. Вот я и подумала, что еще одна публикация теперь для тебя ничего уже не значит. Послушай, ну раз уж так получилось, давай решим этот вопрос мирно. Павел сейчас пишет статью для очень серьезного китайского журнала. Первый квартал, всё такое. Он включит тебя в соавторы, хорошо? Это гораздо круче, ты же сама понимаешь. Ну и, разумеется, в той монографии, которая будет опубликована по результатам исследования, ты тоже будешь в числе авторов.

– Арина, я не намерена с вами торговаться, – сухо сказала я. – Наверно, ты удивишься, но есть люди, которым не нужно чужого. Ни чужой статьи, ни чужого мужа. Ни-че-го! Свое условие я озвучила. Не будет опровержения, будет обвинение в плагиате.

– Катя, но ты же понимаешь, что это не так просто! – теперь ее голос уже звенел от возмущения. – Журнал на такое не пойдет! Это в любом случае будет удар по репутации Шестакова.

– Какая жалость! – вздохнула я. – Именно его репутация

и волнует меня больше всего.

– Значит, ты готова опуститься до мелочной мести? – кажется, она была удивлена. – А Паша считал, что ты выше этого. Что ты вся такая благородная, в белом пальто. А тебе просто нужен скандал! Ну, хочешь, я на колени перед тобой встану? Приеду в вашу Тьмутаракань и встану. Ну, ошиблась я, ошиблась, так что теперь?

Рыдания, истерика – всё это я видела и слышала в ее исполнении не раз. И поначалу даже верила этому.

– Мне надоело быть понимающей, Арина! Разве не ты мне когда-то говорила, что думать нужно только о себе? Спасибо за совет! Вы с Шестаковым оказались отличными учителями. Теперь у меня другие правила – такие же, как у вас. А о своей ошибке ты лучше редактору журнала расскажи – он-то, может быть, и поверит. И даже наверняка пойдет тебе навстречу – особенно если узнает, что ты дочь заместителя министра науки и высшего образования. А сейчас выпей чего-нибудь успокоительного. Тебе нельзя волноваться. И давай договоримся – когда вы решите этот вопрос, и опровержение будет опубликовано, просто пришли мне ссылку на журнал. А звонить не нужно, хорошо?

Я положила трубку, почти гордясь своим спокойствием, но всё равно долго еще после этого не могла заставить себя заняться чем-то другим.

Глава 9

Из своих друзей в социальных сетях я удалила и Павла, и Арину еще в Москве, но поскольку у нас было много общих друзей, новости Ланской время от времени мелькали у меня в ленте. Я ожидала, что как только наш развод с Шестаковым будет официально оформлен, Арина об их бракосочетании. Но нет – она не торопилась устраивать торжество.

– Небось, не хочет выходить замуж беременной, – предположила Тася. – Хочет быть на свадебных фотографиях с точеной фигуркой.

Это было похоже на правду. Ланская любила фотосесии и любила блистать.

Впрочем, чтобы окружающие не сомневались в серьезности их с Шестаковым отношений, она активно начала пирить предстоящий праздник. Устроила на своей страничке несколько голосований. Какая модель платья вам больше нравится? Какой ресторан забронировать для торжества? Куда поехать в свадебное путешествие?

И она не мелочилась, выбирала только то, что было дорого и шикарно. Доминикана, Бали, Мальдивы. Бедняжка Павел! Интересно, она знает, что он не любит жару?

Опровержение по поводу авторства моей статьи опубликовали в следующем же номере журнала. Принесли мне извинения и продублировали статью еще раз – теперь уже толь-

ко с моей фамилией. Сослались, конечно, на техническую ошибку, но это было не важно. И хотя это была маленькая победа, мне всё равно было приятно.

И это не осталось незамеченным моими бывшими коллегами. Первым позвонил Константин Андреевич:

– Молодец, Катерина! За свои права надо бороться, – кажется, он намекал не только на науку. – Я и не думал, что такие вещи отслеживать нужно. Но теперь понял и прослежу, чтобы твое имя из коллективной монографии вдруг не пропало.

Позвонил даже наш лаборант Данила:

– Здорово вы, Екатерина Сергеевна, ее на место поставили! Вы извините, если вам неприятно, что я звоню – плохие воспоминания, всё такое. Но я подумал – вы должны знать, что мы на вашей стороне. И нам очень вас не хватает. Павел Дмитриевич, конечно, пытается всё держать под контролем, но ему тоже без вас тяжело. А еще нам не нравится, что нам теперь не показывают некоторые результаты исследований. Дескать, это выходит за рамки того, на что нам дали грант. И ходят слухи, что Павел Андреевич хочет оформить патент на то средство, которое мы пытались получить из живицы сосновой, на себя лично. Я понимаю, конечно, что он – руководитель проекта и всё такое. Но мне за вас обидно. Это же изначально ваша идея была.

К сожалению, идея авторским правом не охранялась. И то, что мы получили в результате исследования, еще нигде

не публиковалось. Мы изначально думали оформить патент и старались не разглашать того, над чем работали. Но патент мы хотели оформить на всех участников нашего коллектива.

Было ли мне обидно? Да, конечно. Могла ли я как-то это-му помешать? Нет, А значит, следовало поменьше об этом думать.

Ланская тоже не удержалась – позвонила через несколько дней.

– Надеюсь, теперь ты довольна? Можешь поставить журнал себе на полочку. Знала бы ты, каких унижений мне это стоило. Но если ты надеешься, что мы и дальше будем идти у тебя на поводу, то напрасно. Тебе, наверно, уже передали, что мы оформляем патент на лекарственное средство на основе жидкой фракции живицы? Так вот – тебя в патенте не будет. Только я и Павел! Я уже консультировалась – тебе ничего не отсудить, так что даже не пытайся. А патент – это деньги, дорогуша. И знала бы ты, какие большие! Потому что уже есть желающие наладить выпуск этого лекарства. И не у нас, за рубежом. Так что не за журналчики надо цепляться-то, Катя!

Она ни разу не обмолвилась о тех деньгах за мебель, которые Шестаков мне перевел. Должно быть, ей он о них не сказал. А набралась, кстати, весьма приличная сумма – на нее я купила хоть и подержанную, но в отличном состоянии иномарку. Права у меня были получены еще два года назад, но в Москве я боялась водить, а здесь, в провинции – нет.

– Хотя кому я говорю? – хмыкнула в трубке Арина. – Ты же у нас альтруистка, тебе за науку, наверно, обидно, да? Вроде бы взрослый человек, а наивна как ребенок. Запомни, Демидова – сейчас каждый сам за себя!

На сей раз первой трубку положила она. А я еще долго гуляла по парку, не решаясь прийти домой в растрепанных чувствах.

– Екатерина Сергеевна! – я так увлеклась своими мыслями, что не заметила шедшего мне навстречу Заручевского. – Вы из школы? Как продвигается ремонт? А новые компьютеры уже привезли? – он улыбался, и темные глаза его за стеклами очков просто сияли. – А я, между прочим, нашел для Антона Карпенко школу-интернат для одаренных детей и даже уже списался с директором. Правда, набор на ближайший учебный год у них уже завершен, но директор согласился пообщаться с мальчиком онлайн, чтобы оценить его возможности. Иногда у них и в середине учебного года появляются вакантные места.

– Это же просто замечательно, Никита Константинович! – обрадовалась я. – А с его мамой вы уже разговаривали?

Заручевский сразу помрачнел:

– Еще нет. И я как раз хотел попросить вас сходить к Карпенко вместе со мной – если, конечно, это не будет для вас слишком обременительным.

– Конечно, с удовольствием! Я же его классный руководитель.

Мы договорились встретиться на следующий день после обеда у школы.

Теперь я уже шла домой совсем в другом настроении – и пусть неприятные ощущения от разговора с Ланской никуда не делись, мне было радостно осознавать, что на свете еще были люди, которые иногда делали что-то просто так, не ожидая за это вознаграждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.